

Бригадный генерал. Плацдарм для одиночки

Автор:

[Макс Глебов](#)

Плацдарм для одиночки

Макс Алексеевич Глебов

Бригадный генерал #1

Империя людей постепенно проигрывает войну.

С помощью новых технологий имперцы обнаруживают на расстоянии в миллионы световых лет еще одну цивилизацию людей. Она отстает от Империи в развитии, но тоже ведет войну за существование. Имперцы видят шанс в объединении, но, чтобы добраться до потенциальных союзников, нужен космический портал. Бригадный генерал Дин, получивший лучевое поражение в бою, уже готовится к смерти, когда ему предлагают перенос через бездну пространства в тело смертельно больного подростка, находящегося в коме. Задача Дина – излечиться, сделать карьеру, пробиться во власть и построить вторые ворота портала.

Макс Глебов

Плацдарм для одиночки

Серийное оформление – Василий Половцев

Иллюстрация на обложке – Игорь Соловьев

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Цикл «Бригадный генерал»

© М. Глебов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

– Зайди ко мне. – Голос майора Вебера прозвучал из коммуникатора лейтенанта Алексея Егорова, оторвав его от групповых упражнений на стрелковом тренажере.

На вооружение группы поступил новый стрелковый комплекс Шторм-М, но пока на задания они ходили со старыми привычными стволами, осваивая новое оружие в перерывах между операциями.

– Есть, господин майор, пять минут. Я в тире, – коротко ответил Алексей, с сожалением прерывая тренировку, и обратился к своим ребятам: – Продолжайте без меня. Иван, ты старший. Отработайте еще пару раз легкобронированные цели. Вернусь от майора – продолжим бой в населенном пункте.

– Сделаем, командир. – Вопросов у Ивана не возникло.

Штабной блок майора Вебера находился метрах в ста от заглубленного в землю стрелкового бункера. Пока Алексей добирался туда, он успел подумать, что нужно снова напрямь майора вопросом о неполном составе группы. Ранение сержанта Трентона в позапрошлой операции лишило их команду одного из

универсалов. Обычное дело, среди универсалов потери, как правило, самые высокие. Именно в их обязанности входит прикрытие отхода группы в чрезвычайных ситуациях. То, что раненый Трентон сумел оторваться от преследования и выйти к точке сбора после того, как увел противника за собой по ложному следу, было настоящим чудом. Обычно такие фокусы не проходили. Вот только в строй он все равно вернется, видимо, не скоро.

Дверь в кабинет майора оказалась открытой.

– Разрешите, господин майор? – обратил на себя внимание Алексей, возникнув в дверном проеме.

– Заходи и дверь закрой. Поступила новая вводная. Присаживайся. – Майор движением пальца по планшету превратил часть поверхности стола в голографическую карту какого-то полупустынного района с песчаными холмами, неглубокими ущельями и парой небольших и, похоже, частично разрушенных строений. – Это западная окраина Новой пустоши. Ничейная зона, триста пятьдесят километров от нашей границы контроля. Там сбили наш разведывательный флайкар. Парни возвращались из рейда – довольно удачного, кстати. Флайкар подобрал их, но в пути на базу предположительно был сбит перехватчиком кваргов. Предположительно, потому что связи почти нет. Части группы удалось выжить. По крайней мере, сигнал от них мы получили. Сейчас они где-то в этом районе, – майор подсветил на карте красным область предстоящего поиска. – Разведчиков надо вытащить, что-то важное они там нарыли. Поэтому сверх регламента стандартной спасательной операции вам в усиление дадут пару перехватчиков для сопровождения. Вылетаете через двадцать минут. Задача ясна?

– Так точно, господин майор. Но хотел бы напомнить, что у меня неполный состав. Есть только один универсал из двух штатных – Трентон в госпитале и, похоже, надолго.

– Я помню о твоей проблеме. Но в нашей глуши не так просто выбить специалиста нужного профиля и квалификации. Правда, на эту операцию у меня есть для тебя человек. Вот только не знаю, будешь ли ты этому рад. Его флайкар прибудет через несколько минут.

– Но, господин майор, как я могу взять на задание совершенно незнакомого бойца? Без боевого слаживания, без знакомства со спецификой... Он же будет просто обузой, даже если хорошо подготовлен, в чем еще надо убедиться.

– Ты думаешь, я этого не понимаю? Но полковник ничего слушать не захотел. Просто сослался на указания сверху и приказал выполнять. Так что расхлебывать эту историю придется тебе. Лететь вам минут сорок. Вот и познакомишься, а заодно разъяснишь курсанту задачу. Его личное дело я сейчас скину в твой планшет.

– Курсанту? Это что, шутка, господин майор?

– Нет, лейтенант. Это приказ такой. Мне отдать его в письменной форме? Курсант прикомандирован к вашей группе на одну операцию. Может быть, на две-три, смотря по итогам. Все. Выполняй.

– Есть.

Алексей покинул штабной блок в некотором обалдении. Нет, от начальства запросто можно ожидать всяких гадостей, но такого... Курсант! Да когда такое было, чтобы курсантов посылали со спецназом на задание в ничейную зону? Они что, убить его хотят? А заодно и всю группу?

Несмотря на невеселые мысли, Алексей привычно раскручивал стандартный механизм подготовки к вылету на задание. Оповестил парней о месте и времени сбора, а также о составе экипировки, которая понадобится группе. После чего собрался было отправиться за своим снаряжением, но его окликнули:

– Господин лейтенант, разрешите обратиться!

Алексей обернулся.

Его догонял очень молодой высокий парень в курсантской форме. К своему ужасу, Алексей увидел на его нарукавном шевроне только одну полосу. Первый курс!

Тем не менее, он остановился и повернулся к вновь прибывшему:

– Обращайтесь.

– Господин лейтенант, курсант Игорь Лавров. Имею приказ поступить в ваше распоряжение.

Алексей оглядел своего нового подчиненного более внимательно и понял, что неожиданности сегодня, похоже, только начинаются. Сразу бросилась в глаза кобура с автоматическим пистолетом «Грот», достаточно редкая модель. Курсантов-то такими стволами точно не вооружают.

Дальше взгляд Алексея переместился на нагрудные знаки. Эмблема Училища планетарного десанта вопросов не вызвала, но рядом с ней располагались знаки «Мастер» и «Уникальный специалист». Это уже не лезло в обычные рамки никоим образом. Оба знака выдавались крайне редко, Алексей никогда не встречал их даже у младших офицеров.

Знак «Мастера», как правило, выдавали только командирам частей, которые в крупном бою смогли победить в откровенно безнадежной ситуации. Что должен сделать курсант, чтобы его получить, лейтенант представить себе не мог.

«Уникального специалиста» присваивали за важное и редкое умение, применив которое в бою, награжденный обеспечил победу как минимум полку, а то и дивизии. И где найти такой бой, в котором победа дивизии будет зависеть от умений одного курсанта?!

Алексей перевел взгляд влево, где на куртке его нового подчиненного находился квалификационный шеврон. Полоса теоретической подготовки, вполне ожидаемо для курсанта первого года обучения, слабо светилась зеленым чуть более чем на треть длины. Чтобы курсант мог стать офицером, она должна заполниться до конца. Полоса солдатско-сержантского боевого опыта, тоже необходимого для получения офицерского звания, вообще оказалась черной, что у Алексея удивления не вызвало. Видимо, до училища не служил, а первокурсников, как правило, в бой не посылают.

Но вот дальше опять начинались странности. Офицерский боевой опыт, который даже у выпускников военных училищ почти всегда лежит в пределах сотни, у курсанта Лаврова составлял шестнадцать с хвостиком тысяч – почти в пять раз больше, чем у самого Алексея. И это, мягко говоря, вызывало вопросы, как и то,

что у курсанта имелся и высший командный опыт, что вообще никак не получалось понять. Выходило, что воевал курсант много и успешно, но только на офицерских должностях!

Зато теперь хотя бы стало ясно, откуда у курсанта Лаврова такой пистолет. Знак «Мастер» давал право на самостоятельный выбор оружия и экипировки. Впрочем, «Уникальный специалист» вроде бы тоже давал такую возможность. И много еще других интересных плюшек, кстати. Но идти с пистолетом, даже с таким, на задание – это как-то...

– Курсант, это все твое оружие? – Алексей показал взглядом на кобуру.

– Нет, господин лейтенант. Основная экипировка у меня во флайкаре.

Вот еще одна странность. Курсантам, даже самым лучшим, не положены индивидуальные флайкары. Но это уже мелочи по сравнению с остальным...

– Хорошо, курсант. Время поджигает. Забирай вещи и через десять минут будь на взлетке в третьем секторе. В десантный бот не лезь, дождись меня, я представлю тебя группе. На борту все обсудим подробнее и посмотрим твое снаряжение. Добро пожаловать в отряд.

– Спасибо, господин лейтенант. Разрешите выполнять?

– Выполняй.

Курсант бодро убыл в сторону взлетки, а Алексей поспешил к себе. Вопросов только прибавилось. Кто же он такой, в конце концов, что из-за него сломали всю обычную процедуру ввода нового бойца в команду? Да еще курсант-первогодок... Но при этом какой-то уж очень продвинутый курсант, судя по знакам отличия и опыту.

Бред! Нельзя так делать. Даже с очень-очень крутым, самым раскрутым курсантом...

Стоп. Хватит. Надо будет почитать его личное дело. Только вот когда? Точно не сейчас.

Когда Алексей добрался до третьего сектора взлетки, Лавров уже ждал его там. И выглядел он довольно-таки нестандартно. Начать с того, что в качестве основного оружия он выбрал себе комплекс «Гроза» в весьма экзотической модификации. «Грозой» обычно вооружали тяжелую пехоту. Весила она немало, и для ее эффективной эксплуатации требовался усиленный экзоскелет, который входил в снаряжение тяжелых пехотинцев и сочетался с мощной броней. Но такая масса несколько ограничивала их подвижность и сокращала время активного боя со штатным накопителем энергии. Поэтому группа Алексея, для которой скрытность и мобильность играли ключевую роль, такую экипировку даже не рассматривала.

Курсант, видимо, тоже понимал, что перебор с массой не пойдет на пользу подвижности. Поэтому на его экзоскелете, взятом от тяжелой пехотной брони, все броневые элементы были заменены на легкую композитную защиту. Это позволило настолько снизить массу и габариты комплекта, что в него удалось встроить второй энергонакопитель и дополнительный короб для боекомплекта к «Грозе». Последнее казалось совсем не лишним, поскольку комплекс, оснащенный тридцатимиллиметровой автоматической пушкой, длинноствольной снайперкой и роторным пулеметом, пожирал боезапас с большим аппетитом. При этом резерв по грузоподъемности экзоскелета оставался, похоже, еще очень приличным, что должно было обеспечить курсанту хорошую мобильность.

Алексей какое-то время внимательно рассматривал нового члена отряда, после чего с некоторым сомнением в голосе произнес:

- Ну-ка, подвигайся. Попрыгай, изобрази смену позиции.

- Есть, - ответил Лавров и подпрыгнул метра на три вверх.

Практически мгновенно подпрыгнул. Приземлившись, он ушел перекатом влево, причем длина этого прыжка-переката составила метров двадцать, что позволило курсанту почти мгновенно оказаться за автомобилем технической службы, из-под которого немедленно уставился в направлении воображаемого противника ствол автоматической пушки.

- Хм... достаточно. - Голос Алексея звучал нейтрально, но любой из старых членов группы сразу понял бы, что лейтенант, по крайней мере, не разочарован увиденным. - Посмотрим, как это будет выглядеть в реальной боевой

обстановке. Давай грузиться в бот.

Когда Алексей и его новый подчиненный поднялись по пандусу в десантный отсек бота, остальные члены отряда были уже там. Они посмотрели на новичка и остановили вопросительные взгляды на командире.

– Наше пополнение. Курсант Игорь Лавров. Идет с нами вместо Трентона. – Голос Алексея прозвучал спокойно, но на лицах бойцов группы явно проступило недоумение и непонимание, которое за всех, как старший по званию после командира, выразил Иван:

– Курсант? Мы не ослышались, командир?

– Не ослышались.

– Но...

– У нас приказ. Обсуждать его мы не можем. Лавров идет с нами.

– Есть, господин лейтенант, – подчеркнуто официально произнес Иван, что среди членов группы означало крайнюю степень непонимания решения командира. – Разрешите задать вопрос?

– Нет, Иван. Я вижу у тебя на лице все твои вопросы. И я не знаю на них ответов. Нам нужно лететь, познакомлю вас с новым членом отряда в пути. Курсант, займи свое место напротив сержанта, – Алексей кивнул в сторону Ивана.

Буквально через минуту пандус закрылся, бот загудел турбинами, снялся со взлетки и лег на курс к месту высадки. Практически сразу его нагнали перехватчики сопровождения.

– Итак, курсант, напротив тебя сержант Иван Кельт. Заместитель командира, следопыт. Справа от Ивана – ефрейтор Джон Цейт, снайпер. Далее – рядовой Антон Гнездов, универсал, твой коллега. Справа от меня Кей Шефферсон, ефрейтор, спец по связи и прочему оборудованию. И, наконец, ефрейтор Илья Копытов. Медик. Теперь о нашем задании. На ваши планшеты уже сброшена карта с точкой высадки. Красным нанесена граница зоны поиска, в которой был

сбит флайкар с нашей разведгруппой. Мы должны найти выживших, оказать помощь и провести эвакуацию. Все как обычно: высаживаемся, просеиваем местность, находим наших, забираем их и быстро сматываемся. Точка встречи с ботом на противоположной границе зоны поиска. Вопросы?

– Разрешите, командир?

– Слушаю тебя, Антон.

– А кто будет нянчиться с курсантом? Он со своими пушками в этом диком костюмчике будет нас демаскировать и задерживать. Кроме того, он не знает наших условных сигналов и тактики. Ему придется отдавать множество лишних команд, причем голосом, а связь сами знаете, как у нас работает.

Алексей глянул на Лаврова: как отреагирует. Но курсант сидел с совершенно спокойным лицом и внимательно слушал, что ответит лейтенант. Казалось, его самого очень интересует ответ на этот вопрос, несмотря на сарказм, с которым он был задан.

Алексей потер рукой подбородок и перевел взгляд на Антона:

– Я уже говорил Ивану, что на многие вопросы у меня ответов нет. Условные знаки мы курсанту сейчас покажем, а вот будет он демаскировать нас или нет, узнаем уже на месте. Надеюсь, в специальной опеке Лавров нуждаться не будет.

– Откуда у него такое снаряжение? Кто ему его подбирал? Оно плохо согласуется с остальным оснащением группы, – подал голос Шефферсон.

– Курсант, поясни, – Алексей кивнул Лаврову.

– Есть, господин лейтенант. Я выбирал и готовил это снаряжение сам. Поскольку возможности соотнести его с остальным вооружением группы у меня не было, я исходил из того, что оно должно наилучшим образом отвечать основной задаче универсала – огневой поддержке группы и, при необходимости, прикрытию отхода. Кроме того, я сделал акцент на том, что, возможно, придется действовать в одиночку. Соответственно, максимально повысил мобильность, боезапас и энергоресурс в ущерб защите.

– Сам, значит? Кто ж тебе самому это доверил-то? А маскировка? На тебе этот огромный сарай с пушками. Как ты собираешься скрытно перемещаться?

– От визуального обнаружения я защищен только камуфляжем. Это минус. Но этим, как и защитой, пришлось пожертвовать. А вот от электронных средств мой комплект защищен очень неплохо. Специальный рассеивающий слой на броне и встроенная станция радиоэлектронной борьбы с дополнительным генератором помех, который можно настроить так, чтобы не мешал своим.

– Стоп! – Лейтенант поднятием руки остановил новые вопросы. – Время. Сейчас нужно хотя бы минимально ввести Лаврова в курс тактических приемов группы. Смотри сюда, курсант, и постарайся все запомнить с первого раза...

* * *

Неприятности начались почти сразу после входа в ничейную зону. Сначала перехватчик прикрытия, ушедший вперед для проведения разведки, пропал с экранов сканеров. В принципе, это не являлось чем-то необычным: системы радиоэлектронной борьбы обеих сторон конфликта сильно опережали в развитии средства связи, поэтому связь чаще всего оказывалась ужасной и у тех, и у других. Но в оговоренное время перехватчик к группе не вернулся. Тем не менее, приказ никто не отменял, и бот под прикрытием последнего самолета продолжил полет к точке высадки.

И тут за них взялись всерьез.

– Пилот перехватчика докладывает, что атакован ракетой с земли, – раздался в шлеме Алексея голос летчика, ведущего бот. В иллюминатор Алексей успел заметить резкий противоракетный маневр самолета, а затем тот пропал из поля зрения. Взрыва лейтенант не услышал.

– Увернулся, – прокомментировал пилот. – Повезло... Стоп! Еще ракета. И еще...

Вой сирены оповестил группу о том, что их бот тоже стал целью. В отличие от перехватчика, тяжелый летательный аппарат не имел возможности увернуться от ракеты. Пилот перехватчика тоже помочь не мог: у него сейчас хватало своих проблем.

Пилот бота отстрелил гроздь тепловых и локационных ловушек и повел свою неповоротливую машину на снижение. Но, видимо, ракета на ловушки не купилась. К звуку сирены добавился скрежет опускающегося пандуса, сопровождаемый шумом ворвавшегося внутрь воздушного потока.

– Прыгайте, лейтенант! – голос пилота сорвался на крик. – Ракета идет на нас! С земли ведут. До взрыва двадцать секунд!

И тут Алексей увидел ракету. Она заходила сзади. В проеме, образованном опустившимся пандусом, инверсионный след просматривался прекрасно, даже точку самой ракеты уже удавалось рассмотреть. Шла она уверенно, несмотря на все еще отстреливаемые ботом ловушки и работу генератора помех.

В этот момент Алексей понял, что они не успеют. Да и прыгать с такой высоты – верное самоубийство. Но тут что-то тяжелое прилетело ему по шлему, да так, что в глазах помутилось. Автоматически он зафиксировал, что это курсант задел его локтевым сочленением своего бронескафандра. А потом десантный отсек бота утонул в диком грохоте. В замкнутом пространстве звук работающего с максимальной скорострельностью роторного пулемета почти вышибал сознание даже в шлеме – впрочем, возможно, из-за того, что забрало Алексей опустить не успел.

Этот ад продолжался меньше секунды. Потом все стихло, только будто сквозь слой ваты Алексей слышал, как дребезжат, катаясь по полу отсека, сотни гильз. Сирена смолкла, пандус начал закрываться. Бот с максимально возможной скоростью шел на посадку.

– Господин лейтенант, – пилот явно еще находился в состоянии шока, его голос дрожал, – ваш солдат сбил ракету. Так не бывает, но он это сделал. Мы экстренно садимся. Перехватчику повезло меньше. Он почти увернулся, но ракету дистанционно подорвали. Его зацепило частью поражающих элементов, и он вынужден возвращаться на базу. Еще не известно, дотянет ли.

Взгляд Алексея сфокусировался на курсанте. Видимо, при стрельбе тот стоял на одном колене, а сейчас поднимался, чтобы занять свое место.

– Курсант, как ты это сделал? – Голос Ивана звучал куда тверже, чем у пилота бота. Чувствовалось, что в подобных критических ситуациях он бывал уже не раз. Алексею всегда нравилась его спокойная выдержка.

Он вновь повернулся к курсанту. Ответ на заданный Иваном вопрос волновал его ничуть не меньше, чем сержанта.

Лавров сел на свое место, закрепил экипировку, что, как отметил Алексей, перед экстренной посадкой было явно не лишним, после чего поднял забрало шлема (он-то его опустить успел) и пояснил:

– В систему обработки данных в моем шлеме добавлен сопроцессор расчета упреждения для стрельбы по быстро маневрирующим целям. Он сопряжен с системой визуального распознавания. Дальше на него завязана псевдомускулатура экзоскелета, помогающая правильно навести пулемет или пушку. Собственно, моя роль сводилась к своевременному занятию позиции для стрельбы, указанию цели, выбору оружия и предварительному наведению. Остальное экипировка сделала сама.

– Что-то не слышал я раньше про такие костюмчики... – начал Шефферсон, но договорить не успел: бот довольно жестко трянуло, когда он коснулся земли. Стало не до разговоров.

Пандус резко опустился. Началась высадка.

* * *

Задолго до...

– Ну что, полковник, как самочувствие? – В голосе генерала Клэя явно ощущалось напряжение.

– Пока без изменений, господин генерал, – я невесело усмехнулся. – Но врачи дают мне только месяц с небольшим нормальной жизни. Дальше мозг начнет разрушаться прогрессирующими темпами. И, как я понял, вариантов нет.

– Хм... – генерал явно не знал, что сказать, и с трудом подбирал слова, потом махнул рукой и присел на край кровати. – Давай без званий. Ты прав, Дин. Они не знают, как с этим бороться. Оружие новое. Враг применил его впервые. У тех, кто попал в эпицентр, мозг отказал мгновенно и необратимо. А ваш транспорт зацепило краем. Была надежда... Сначала ни у кого даже симптомов не было, максимум легкое головокружение, но... не повезло.

– Клэй, – после команды «без званий» обращение к генералу по имени считалось вполне допустимым, – у меня есть к вам просьба...

– Все, что смогу.

– Еще месяц я буду нормальным человеком. Я видел парней с «Ястреба», участвовал в спасательной операции после удара. Поэтому неплохо представляю, что меня ожидает. Я не хочу медленно умирать в больнице в состоянии овоща. Так вот... Я ведь не только полковник планетарного десанта. У меня есть опыт управления звеном штурмовых роботов. Сейчас идет крупное контрнаступление в семнадцатом секторе. Позвольте мне высадиться с первой волной десанта на очередную планету, занятую жабами. Командовать я никем, естественно, не смогу. Не поведу же я людей за собой на верную смерть! А вот возглавить десятку беспилотных штурмдронов и поураганить напоследок... Боец, которому не страшно умирать, может спасти много жизней обычных солдат.

Генерал задумался. Выражение его лица не изменилось, но в глазах мелькнуло понимание и, как мне показалось, одобрение.

– Хорошая просьба. Но случай нестандартный. Не могу обещать на сто процентов, но я постараюсь ее выполнить.

* * *

Три дня меня никто не трогал. Нет, стандартные ежедневные осмотры и медицинские процедуры, конечно, проводились, куда без них в госпитале. Но по отводящим глаза медикам все становилось понятным.

На четвертый день снова пришел генерал.

– Собирайся. Хватит тут задницу греть, – за грубыми словами Клэй прятал неловкость, – нечего целому бригадному генералу сидеть в тылу, когда его армия уже второй день штурмует Дельту Кирсани.

– Не понял! – я поднял бровь, вопросительно глядя на генерала.

– Чего тут не понять? За последнюю операцию ты досрочно представлен к первому генеральскому званию, так что поздравляю, господин бригадный генерал! А вот мне эти твои генеральские регалии добавили головной боли. Штаб флота рассмотрел твою просьбу. Имперский технологический консорциум передал армии десятку новейших штурмовых дронов. Их надо прогнать через войсковые испытания в максимально тяжелых условиях. Эту задачу штаб поручил тебе. А мне пришлось поломать голову над тем, как назначить на лейтенантскую должность бригадного генерала и не вызвать при этом вывих мозга у всех капитанов, майоров и полковников, которые придутся тебе прямыми и непосредственными начальниками.

– Ну и как, господин генерал, вы справились? – Я слегка улыбнулся.

– Куда б я делся... В общем так, ты со своими машинами становишься отдельным штурмовым взводом дивизионного подчинения. Штурмдроны новые, секретные, так что нечего им делать на уровне батальона или даже полка. Подчиняться будешь мне лично, как и раньше. Жду тебя на флаерной стоянке у центрального входа. Персонал госпиталя предупрежден. Новую форму тебе сейчас принесут.

Не могу сказать, что я сильно обрадовался перспективам, но облегчение испытал однозначно. В конце концов, смерть в бою – нормальная история для солдата, да и для генерала тоже. Лучше, чем на госпитальной койке, пуская слюни и делая под себя.

* * *

Без вывихов мозга все же не обошлось.

Когда я прибыл принимать взвод, мои штурмдроны, еще в заводской упаковке, дожидались в отдельном ангаре под охраной пары абордажных роботов.

Пришлось идти к техникам за помощью. Несмотря на мои немаленькие погоны, начальству тыловой базы явно хватало забот и без расшаркивания с заезжим генералом, который, при всем уважении, им ни разу не начальник и даже не проверяющий какой-нибудь. Ну, дело у человека здесь, вот пусть им и занимается. Поэтому руководитель местной технической службы, дядька уже в возрасте с майорскими погонами, воззрился на меня с нескрываемым удивлением, не вполне понимая, что могло понадобиться генералу-десантнику в его хозяйстве.

Ситуация меня немного забавляла, и я с непроницаемым видом первым отдал честь выскочившему мне навстречу из-за стола майору.

– Господин майор, бригадный генерал Дин прибыл для получения десятка штурмдронов «Квант-С» и малого десантного транспорта «Кирасир». Мне необходимо содействие в приведении машин в боеготовое состояние.

– Э... господин генерал... – Начальник техников явно впал в ступор. – А что ж вы лично-то? Прислали бы пилота штурмдронов, мы бы ему все в лучшем виде и передали. Ну, на край его ротный бы мог приехать, если уж контроль особый нужен...

– Так я и есть пилот, майор.

– Вы?! Э... простите, господин генерал, наверное, я лезу не в свое дело, но как-то это очень необычно. Сколько лет служу, ни разу не видел бригадного генерала, командующего взводом штурмдронов... Даже полковников таких не встречал, вы уж не сочтите...

– Расслабьтесь, майор. Все когда-то случается в первый раз, – я улыбнулся, – просто подготовьте мне их побыстрее, и я сразу перестану доставлять вам неудобства своим присутствием.

– Да мы это мигом, не сомневайтесь, господин генерал. Часа четыре, не больше. Я уже вызвал людей к шестнадцатому ангару. И лично все проконтролирую.

– Не сомневаюсь, господин майор. Не сомневаюсь.

Дельта Кирсани встретила меня суетой только что отгремевшего крупного сражения. Жабы окопались здесь с размахом. Жабами, или жаберами, их называли буквально все. Имелось у врагов и какое-то другое, официальное, название, но один раз увидев этих лягух-переростков, никто их иначе уже не воспринимал. Жабы – они жабы и есть. За год, прошедший с тех пор, как наш флот оставил эту двойную звездную систему, они успели закрепиться на всех трех условно пригодных для жизни планетах, возвести орбитальную оборону и настроить баз в поясе астероидов. И это не считая многочисленных минных объемов и автоматических ракетно-артиллерийских платформ, в изобилии размещенных на наиболее удобных векторах движения. Ну, и флот прикрытия здесь тоже присутствовал. Куда без него? Одними орбитальными крепостями гибкость обороны не обеспечишь.

Наши тоже подошли к делу серьезно. Сколько звездных систем пришлось оголить, чтобы собрать такую армаду вторжения, мне даже представить сложно. Не меньше десятка авианосцев, четырнадцать линкоров, почти сотня крейсеров, туча эсминцев и корветов... Вся эта мощь навалилась на жаб и, прогрызая себе дорогу среди мин и беспилотных боевых станций, обрушилась на орбитальные крепости четвертой планеты. Такой атаки никакая орбитальная оборона выдержать не могла. Мобильные силы жаб пытались придать устойчивость своим боевым порядкам над планетой, затыкая дыры, образовавшиеся на месте погибших крепостей, но хватило их очень ненадолго. Покончив с противником на орбите главной планеты системы, флот принялся за ее соседей, и к настоящему моменту в космосе врагов уже не осталось.

Славная победа, но уж больно кровавая. На большинство кораблей-победителей смотреть без слез не получалось. Пробитые борта, смятые чудовищными взрывами орудийные башни, закрученные и чуть не узлом завязанные полетные палубы. И это у тех, кто смог пережить бой, а таких оказались меньше половины от прибывших в систему сил. Жабы умеют воевать. Даже в меньшинстве, даже если застать их врасплох...

Но так или иначе, орбитальная оборона подавлена. Теперь слово за десантом.

«Кирасир» я пилотировал лично. Собственно, малый десантный транспорт и строился в расчете на то, что управлять им будет сам пилот штурмдронов, находящийся у него на борту. «Кирасир» проектировали для внутрисистемных полетов и, при благоприятных условиях, для высадки десанта прямо на поверхность планеты. На гиперпрыжок он не способен, так что в систему я

прибыл на внешней подвеске большого войскового транспорта, перевозившего тяжелые танки прорыва. Капитан транспортного корабля хотел было сначала послать меня куда подальше, чтобы не заморачиваться с пересчетом центровки перед прыжком, но, с удивлением сопоставив количество звездочек на погонах у нагловатого пилота «Кирасира» и у себя, любимого, от возражений воздержался.

Сразу после выхода из прыжка я доложил генералу Клэю о прибытии. Первая волна десанта на четвертую планету уже ушла, и генералу оказалось, мягко говоря, не до меня, но он выкроил минуту и указал мне район ожидания. Сейчас парни зачищали плацдарм для высадки тяжелой техники, и генерал приказал быть готовым через час или два присоединиться к десанту.

Приказ на десантирование пришел даже раньше, чем я ожидал. Помимо координат точки высадки и краткого сообщения о безопасном коридоре, он содержал комментарий от Клэя: «Не вздумай лезть в самоубийственные атаки. Помни о задаче. Ты можешь угробить хоть всех своих роботов, но не раньше, чем они хорошенько повоюют, а твой модуль сформирует отчет в технологический консорциум». Ну, в общем, понятно. В переводе на нормальный язык это должно было звучать примерно так: «Не торопись на тот свет, ты мне еще нужен здесь, по крайней мере до конца операции. Ну, или почти до конца».

Высадка прошла без неожиданностей. Уже на поверхности я увидел, во что моя относительно спокойная посадка обошлась первой волне десанта. Инженерная техника уже расчистила посадочную площадку, но вокруг, насколько хватало обзора, все пространство пестрело дымящимися обломками штурмовой техники. Горящих жаберских танков тоже хватало, конечно, но врезали они нашим крепко. Такими темпами первая волна сточится уже через пару часов.

Сверху раздался грохот мощных планетарных двигателей. Первые транспорты с войсками и техникой начали заход на посадку.

Понимание того, что увязли мы крепко, пришло на вторые сутки. Как ни старался десант расширить захваченные в первые часы плацдармы, ничего толком не получалось. Жабы вытаскивали все новые силы из хорошо замаскированных подземных убежищ и без колебаний бросали их в бой. Я успел поучаствовать в затыкании вражеского танкового прорыва и в отражении налета атмосферных штурмовиков. Надо сказать, умники из Имперского технологического дела свое знали. По сравнению с предыдущими моделями мои штурмдроны вели себя выше всяких похвал. Я, по сути, только координировал их действия из своего по

уши бронированного управляющего модуля – такого же шагающего танка, как и мои беспилотные подчиненные, но раза в полтора массивнее.

По воздушным целям штурмдроны отработали просто на загляденье. Обломки трех жабских машин глухо ухнули на перепаханную взрывами землю, а оставшиеся два штурмовика даже не смогли прицельно отстреляться, получив повреждения и поспешно удрав на бегущем куда-то за край недалекого леса.

С танками вышло похуже. Броня у них оказалась довольно крепкой, да и какие-никакие защитные поля тоже имелись. Штурмдрон – не тот зверь, чтобы лоб в лоб с танками на равнине воевать. Он больше подходит для работы в тяжелой местности, в стесненных условиях, где к противнику можно подобраться относительно близко и бить его в уязвимые точки. Тем не менее, пару вражеских машин мои таракашки сожгли. Правда, и самим им досталось. Все-таки танковая пушка, зараза, штука злая. Прямого попадания дрон не выдерживает, разлетается вдребезги.

Осталось от моей десятки семь машин, две из которых по-хорошему стоило бы отдать ремонтникам. Они хромали и имели повреждения систем сканирования и наведения. И вот тут я опять сказал мысленное спасибо разработчикам. За счет объединения всего взвода в единую боевую сеть поврежденные машины получали целеуказание от своих исправных соседей.

Как вскоре оказалось, все эти приключения были лишь прелюдией, холодной закуской, возбуждающей аппетит перед основным блюдом, подать которое к столу жабы не замедлили. Дождавшись, когда основная масса прибывших в систему войск высадится на планеты и втянется в десантную операцию, жабы нанесли удар, откуда не ждали.

Наземные батареи противоорбитальных орудий всегда считались средством отчаяния, последним козырем, призванным хоть как-то ослабить удары по войскам и инфраструктуре с зависших над планетой вражеских кораблей. Но тут жабы наглядно показали, что количество умеет переходить в качество. Прямо из-под земли, как грибы после дождя, полезли не замеченные ранее, а значит заранее тщательно замаскированные ажурные конструкции бласт-эмиттеров. В небо ударили многие сотни молний, повергнув орбитальную группировку в шок и заодно разнеся десяток десантных транспортов, заходящих на посадку по считавшимся безопасными коридорам.

Поддержка с орбиты резко ослабла. Атмосферной авиации тоже пришлось прекратить полеты. Пока подтягивали дальнобойные линкоры, пока готовились давить наземные батареи, жабы нанесли контрудар. И вот тут кисло стало всем.

Ну, что ж, наверное, ради этого момента я сюда и просился. Пора внести свой вклад. Я указал таракашкам вектор движения, и мы бодро поскакали в направлении ближайшей вылезшей из-под земли вражеской батареи.

Очень быстро стало понятно, что я переоценил свои силы. Жабы сегодня просто фонтанировали неприятными сюрпризами. Сразу за появлением противоорбитальных пушек они выпустили целый рой атмосферных истребителей и штурмовиков. До этого момента жабы берегли быстрые, но уязвимые машины, стараясь не подставлять их под залпы с орбиты, но сейчас настало их время. Бой быстро разбился на отдельные фрагменты, где разрозненные наземные подразделения пытались отбиться от наседающей авиации. Кое-где это неплохо удавалось, но уж больно много врагов налетело. У моих штурмдронов начал ощущаться дефицит боезапаса. Плазменные пушки – это, конечно, здорово, но куда приятнее ущучить супостата управляемой ракетой. И дистанция больше, и точность попадания куда выше. Но ракет оставались уже считанные штуки. Двоих моих подранков довольно быстро добились, и теперь в строю оставалось только пять машин.

Как оказалось, мои локальные проблемы выглядели сущими цветочками по сравнению с тем, что творилось в космосе. Почти одновременно с атакой кваргов на земле, в системе Дельты Кирсани начали выходить из гипера корабли противника. Сперва немного – только самые быстрые, но вскоре количество жаберских выпелов сравнялось с числом земных кораблей. В общем, в высших штабах быстро осознали, в какую клоаку угодил флот вторжения. Контрнаступление грозило обернуться катастрофой. Доводить ситуацию до необратимой задницы адмиралтейство не захотело и отдало приказ о срочной эвакуации войск и общем отступлении из системы.

Как бы то ни было, эвакуироваться я не собирался. Ситуация для меня складывалась почти идеально. Максимальную пользу я смогу принести, прикрывая погрузку войск в транспорты, значит, этим и займемся. Изменив задачу роботам, я начал медленно, постоянно огрызаясь, и прикрываясь складками местности и обломками сгоревшей техники, отводить свой взвод к месту высадки.

Орбитальная группировка еще держалась. За последний час корабли с орбиты изрядно проредили так досаждавшие им наземные батареи жаберов, и теперь пушки крейсеров и линкоров неплохо сдерживали вал бронетехники, накатывающийся на сжимающееся кольцо десантников. Транспорты непрерывным потоком садились на расчищенную площадку за спиной войск, быстро грузили людей и наиболее ценную технику и устремлялись на орбиту, откуда, не задерживаясь, начинали разгон для прыжка из системы Дельты Кирсани.

В моем взводе прибавилось техники. При эвакуации изрядно потрепанной штурмовой роты в транспорт загрузились только пилоты вместе с управляющими модулями. Дронов передали мне. Оказалось их, правда, всего семь, но теперь у меня образовался даже сверхштатный состав техники. Не скажу, что пополнение адекватно заменило потерянных роботов, все же предыдущее поколение сильно уступало новейшим разработкам, но в моей ситуации жаловаться не приходилось. Зато боезапас мне довели до полного боекомплекта. Не тащить же его с собой на орбиту.

И все же спокойно уйти десанту не дали. Жабы перегруппировали собравшиеся в системе корабли и попытались перехватить разгоняющиеся для прыжка транспорты. Наши, естественно, бросились их защищать. Завязалось спонтанное сражение, в которое быстро втянулись все наличные вымпелы обеих сторон. Соответственно, на поддержку с орбиты остатки десантных сил больше рассчитывать не могли.

Результат мы ощутили сразу. Обнаглевшие атмосферники полезли вперед, заваливая нас ракетами и поливая сгустками плазмы из пушек. Расталкивая корпусами обломки своей и чужой подбитой техники, в новую атаку двинулись жаберские танки. Нас оставалось уже не так много, основную часть войск успели вывезти транспорты, так что я, как самый старший по званию из оставшихся на поверхности, приказал бросать всю технику и уматывать на орбиту на моем «Кирасире», так и стоявшем скромно на краю посадочной площадки. На попытку заставить меня лететь вместе с ними я с удовольствием вспомнил и воспроизвел непередаваемые обороты речи нашего училищного сержанта из моего далекого курсантского прошлого. Прошлое такое явно было не только у меня, и подчиненные вняли, быстренько попрыгав в «Кирасир» и с завидным проворством рванув в небо.

Технику, само собой, не просто побросали, а замкнули на мой управляющий модуль. Еще раз спасибо его разработчикам: он весь этот военно-технический зоопарк вполне потянул, хоть я и сомневался сперва. Теперь у меня под командой оказался почти целый роботизированный батальон с полусотней штурмдронов, парочкой тяжелых танков прорыва, двумя пусковыми установками ракет малой дальности и даже тремя ударными беспилотными атмосферниками.

Старт «Кирасира» жаб очень заинтересовал, и они нацелились было по нему пострелять, но я не дал им такой возможности, бросив свою разношерстную армию в атаку, чтобы имитировать прорыв кольца окружения. Половине дронов я поставил задачу отстреливать ракеты, выпущенные противником по «Кирасиру», а все остальное железное воинство азартно давило огневые точки, пытавшиеся палить ему вдогонку.

Атака моя, как и ожидалось, почти сразу захлебнулась. Сказалось существенное численное преимущество врага. Через полторы минуты боя оба танка прорыва чадно горели, от штурмдронов осталась только треть, а пусковые установки отстрелялись полным залпом и превратились в бесполезное железо, поскольку перезаряжать их было некому и нечем. Атмосферники тоже полегли, прикрывая уходящий транспорт. Тем не менее эти полторы минуты я взлетающему «Кирасиру» обеспечил, так что шанс у ребят появился, и неплохой.

Вообще-то к этому моменту я уже должен был погибнуть, но пока как-то не складывалось. В связи с этим вновь открывшимся обстоятельством я не очень понимал, что делать дальше. Задачу свою я выполнил, эвакуироваться мне некуда и не на чем. Продолжать бой, конечно, можно, но смысла в этом уже нет никакого.

Автоматически продолжая руководить действиями дронов, я пытался найти выход. Мои раздумья прервал сигнал вызова. С генералом Клэем мы договорились, что никаких прощаний и прочих ритуальных словоблудий не будет, так что вызов на связь меня удивил, но раз начальство вызывает, ответим.

– Бригадный генерал Дин вас внимательно слушает, – официальным голосом произнес я в микрофон шлема.

– Отставить балаган! Дин, твою мать! Почему на вызов так долго не отвечал?! Быстро выходи из боя! Немедленно!.. – далее генерал Клэй воспроизвел примерно тот набор слов, которым я десятком минут ранее вразумлял подчиненных перед посадкой в «Кирасир».

– Клэй, – устало ответил я, отбросив субординацию, – ну, мы же обо всем уже договорились...

– В карцере давно не сидел, бригадный генерал?! Забыл, как к старшим по званию обращаться надо?! – совершенно нехарактерно для себя заорал Клэй и тут же переключился на другую тему: – Пришло сообщение из главного штаба. Медики требуют тебя назад живым и желательно целым. Они нашли решение, и не только для тебя, а для нас всех, для всей Империи! Но оно завязано на тебя. Только на тебя, понимаешь?! А ты мне тут цирк с конями устраиваешь! Включай маяк немедленно и прекращай геройствовать!

– Да некуда мне из боя выходить. Полное окружение, жабы доедают моих дронов. Их уже десяток остался. М-мать...

Поле моего модуля приняло попадание из авиационной пушки, модуль изрядно мотнуло в сторону и сбило с ног, точнее, с опор, хотя повреждений машина пока не получила.

– Что у тебя?

– Пока ничего серьезного. Рабочие моменты. Маяк я включил.

– Вижу. Жди. И не вздумай мне сдохнуть! Понял, генерал?!

– Так точно. Задача – не сдохнуть. Разрешите выполнять?

– Только появись у меня на корабле, душу выну!

Я уже не слушал. Позади редкой цепочки моих дронов еще оставался небольшой относительно свободный пяточок перед завалом из обгорелого железа. Именно туда мы медленно пятились, огрызаясь огнем на наиболее наглых жаберских летунов и наземных дронов. Хорошо хоть тяжелые танки у них, похоже,

закончились, иначе быстрый как-то грозил стать неизбежным. Но и сейчас веселого в ситуации я находил мало.

Заверещал зуммер сканера средней дальности. На боевой проекции высветились девятнадцать малых скоростных воздушных целей. Ракетный удар.

Вот счастье привалило! Сбивать их почти нечем, только пушки остались. Управляемые ракеты уже минут семь как закончились. Бросаю свой модуль к мощному завалу из горелой техники. На кучу обломков здесь взобрался наш тяжелый танк, да так и остался на вершине с развороченным прямым попаданием бортом и свернутой набок башней. Прячусь за ним, а тараканов своих гоню в противоположную сторону, откуда они начинают азартно палить по приближающимся ракетам. Жабы притихли, не хотят, видимо, лезть под собственные ракеты. А дроны молодцы, девять ракет свалили...

Взрыв!

Танк, за которым я прятался, опрокинуло ударной волной. Еле увернуться успел. Как я и надеялся, ракеты навелись на активно сопротивляющиеся цели, сочтя их приоритетными.

– Генерал, меня слышно?

– Да, Дин, слышу тебя нормально.

– Я остался один. Дронов накрыло ракетами.

Клэй ответить не успел. На лежащий на боку танк одним прыжком вскочил жаберский дрон. Выстрелили мы практически одновременно. Врага снесло с танка, и он пропал за кучей обломков, а защитное поле моего модуля из последних сил отразило удар плазмы, но генератор выгорел от экстремальной нагрузки, и теперь кроме брони мою уязвимую тушку ничто не защищало.

– Ложись! – раздался вопль генерала в наушниках моего боевого шлема.

Я выполнил команду, не раздумывая, и, надо сказать, весьма своевременно. Все пространство вокруг меня превратилось в огненный ад. Главный калибр линкора

– это вам не авиационная пушечка. Я такое уже видел как-то...

Воздух надо мной наполнился с воем летящими во все стороны кусками брони, бетонными обломками и еще каким-то неопознанным мусором. Оказываться на пути этих предметов категорически не рекомендовалось. Удары по броне модуля не прекращались около минуты. К счастью для меня, осколки оказались не в состоянии ее пробить.

Когда пыль немного осела, метрах в пятидесяти от себя я увидел заходящий на посадку корвет. Обычно боевые космические корабли в атмосферу не лезут, но этот случай, видимо, оказался особым. Линкор у нас над головами продолжал бесноваться, перенеся огонь главного калибра метров на восемьсот в сторону. Наверное, ближе ко мне достойных целей для него уже не осталось. Я не стал дожидаться приглашения и рванул к корвету, выжимая из своего модуля максимально возможную скорость.

В трюм корабля я ввалился под подгоняющие вопли генерала Клэя, витиеватости которых мой приснопамятный сержант из военного училища точно обзавидовался бы.

* * *

– Господин генерал...

– Можно без званий, доктор Силк.

– Э... да, конечно. Так вот, Дин, вы слышали что-нибудь о ментальных полях? – Полковник медслужбы вопросительно взглянул на меня.

Беседа проходила в неформальной обстановке. Генерал Клэй привез меня в центральную клинику адмиралтейства и передал с рук на руки местному медицинскому светилу, который взялся мне все объяснить. Сам Клэй тоже пожелал присутствовать и притащил с собой еще пару генералов, которых я мельком видел раньше в штабных коридорах.

– Только в общих чертах. Знаю, что ваш департамент занимается этой темой. Не более того.

– Ну, вдаваться в подробности я не вижу смысла, но пару моментов все же проясню. Физическая природа этой субстанции до последнего времени была не вполне понятна. Имелось много эмпирических данных, подтверждающих существование ментальных полей, позволяющих мгновенно передавать информацию, связанную с мозговой активностью разумных существ, на практически неограниченные расстояния, но принципы управления этими полями оставались, да и сейчас еще остаются за пределами нашего понимания. Как ни странно, толчком к прорыву в этом направлении послужила атака врага, жертвой которой стали вы и еще полторы тысячи наших военных. Нельзя сказать, что артефакт, примененный э... жаберами – так, кажется, вы их называете? – работал на основе только ментополей, но как один из поражающих факторов их колебания точно использовались. В общем, детали не важны, но изучение изменений в мозге пострадавших дало нам ключ к частичному пониманию природы этого феномена. Потерпите немного, я уже перехожу к главному. В результате мы модернизировали одну из наших экспериментальных установок и получили нечто вроде сканера, позволяющего в определенных пределах изучать ментальные поля на очень больших расстояниях от нас. Речь идет о миллионах световых лет. К сожалению, на меньших расстояниях сигналы сливаются и забиваются помехами, но не суть важно. Важно другое. Мы обнаружили цивилизацию людей. Очень далеко, мы даже не можем указать точное направление. Нам повезло в том, что совпало много случайных факторов. Мы сумели подключиться к ментальному полю человека, находящегося в коме. Он болен. По представлениям их медицины, болен неизлечимо, но мы знаем эту болезнь и умеем ее лечить. Уровень развития их цивилизации существенно ниже нашего. Они отстают лет на двести, не меньше. Совсем недавно они открыли гипер и начали осваивать межзвездные перелеты. И почти сразу наткнулись на враждебную расу – гуманоидную, но не человеческую. Там, как и у нас, идет война. Не скажу, что люди ее проигрывают, но она отнимает все силы цивилизации, и конца ей не видно.

– И чем же они могут нам помочь? – сорвался с моих губ вопрос, явно написанный на лицах всех слушателей, кто еще был не в теме.

– Господа генералы, скажите честно, мы сможем победить в этой войне? – поинтересовался Силк.

В кабинете доктора повисла пауза. В конце концов ее нарушил Клэй:

– Это очень тяжелый вопрос, доктор Силк. Скажем так: если не произойдет принципиального прорыва в области вооружений, мы проиграем.

– И сколько мы еще продержимся? Ведь прорывы в области вооружений бывают не только у нас, но и у врага.

– Война идет уже почти сто лет. Пока нам есть куда отступать, но бесконечно это продолжаться не может. Двадцать, при удаче тридцать лет у нас еще есть.

– А дальше?

– А дальше все, доктор. Нас выбьют из освоенных миров, соединенных сетью стационарных гиперпорталов, и идти нам станет некуда, разве что в открытый космос, в межгалактическое пространство. Но не думаю, что нам дадут уйти. Догонят и уничтожат. Гипером жабы владеют не хуже нас.

– Вот вам и ответ на ваш вопрос, господа генералы. Нам нужно место, куда мы сможем сбежать, если дело обернется совсем плохо. – Доктор помедлил. – Вот оно, это место. Мы вам его нашли.

– Но как вы предполагаете туда попасть? Вы ведь не можете даже указать направление. Да и знай вы его, что толку? Линейное движение в гипере на такое расстояние займет тысячи лет. Здесь нужен стационарный портал. Пара ворот: у нас и у них. Кроме того, нужно знать подпространственные координаты выхода...

– А вот для этого, господа, вы и вытаскивали нашего героического бригадного генерала из той неприятности, в которую он из лучших побуждений влип в системе Дельты Кирсани. Суть в том, что мозг генерала подвергся облучению артефактом жаберов и претерпел некоторые изменения. Теперь он способен вступить в резонанс с мозгом юноши, лежащего в коме в миллионах световых лет отсюда, а это означает, что мы можем провести перенос сознания генерала Дина в мозг этого человека. Мало того, мы можем закачать в него массу знаний, которые могут генералу там очень пригодиться.

– Постойте, доктор, – удивился я, – но ведь я не один попал под облучение. У вас в госпиталях еще как минимум тысяча таких пациентов.

– Мы обследовали всех. К сожалению, они не подходят. Индивидуальные особенности мозга, что поделаться. Ну, а с вами нам очень повезло. Ваш опыт там придется как нельзя кстати.

– Но ведь тот человек неизлечимо болен и находится в коме...

– Только это и позволило нам подключиться к его мозгу. Кома и болезнь – это, безусловно, проблемы, но решение есть. При переносе сознания мы загрузим в ваш мозг огромный объем данных, в том числе и о способах лечения этой болезни. Ваш мозг, естественно, не выдержит. Если бы можно было так учить всех людей, мы бы давно победили жаберов. Но, увы, человеческий мозг не справляется с прямой закачкой данных. Однако ваш случай особый. Ваш мозг умрет, но это будет уже не важно. Сознание вместе с закачанной информацией перенесется в новое тело.

– А если я так и умру, не выйдя из комы?

– Очень маловероятно. Перенос сознания стимулирует мозговую активность и иммунную систему реципиента. Две-три недели ремиссии у вас будет почти наверняка. За это время вы должны решить проблему.

– Ну, а потом вас ждет карьера военного, генерал, – вступил в разговор старший по званию из присутствующих, генерал армии Филт, – вам не привыкать. Вы должны будете занять высокую позицию в структурах власти потенциальных союзников и обеспечить постройку вторых ворот стационарного гиперпортала. Все знания для этого в вашем мозгу будут, гиперкоординаты тоже. А мы здесь построим свои ворота. Для них уже нашли глухой медвежий угол на задворках галактики, и если все пойдет совсем плохо, у нас появится шанс сохраниться как вид и начать все заново.

– А как же та цивилизация? Они могут и не захотеть нас принять...

– А вот это во многом будет зависеть от вас, генерал. На самом деле у нас есть очень много точек соприкосновения. И мы, и они – люди, а значит, сможем договориться. Мы обеспечим им технологический прорыв и поможем выиграть их войну. Они помогут нам в освоении новых территорий для наших колоний или пригласят на свои планеты, если на то будет их желание. В любом случае навязываться мы им не будем. Не захотят сотрудничать – уйдем в

неисследованный ими космос и начнем все сначала.

– Доктор Силк, а технически у вас уже все готово? – Меня охватило нервное возбуждение, бороться с которым едва хватало всей моей выдержки.

– Практически. Осталась тонкая настройка аппаратуры, невозможная без вашего непосредственного участия. Требуется только ваше согласие.

– Согласие? – я позволил себе легкую улыбку. – Оно у вас есть.

* * *

За открытым окном сестринской под легким ветром раскачивались ветки тополя. Начало июня несло с собой запахи лета, которые чувствовались даже сквозь намертво въевшийся в мебель и стены запах больницы. Ольга сидела в кресле, закинув ногу на ногу, и просматривала новости на планшете.

Резкий писк аппаратуры мониторинга заставил ее вскочить и броситься к приборам контроля состояния больных. Рука медсестры заученным движением нажала кнопку вызова.

– Что случилось, Оленька? – раздался в коммуникаторе голос дежурного врача.

– Илья Сергеевич, в шестой реанимационной пациент пришел в сознание.

* * *

Я очнулся. Голова не просто болела, она раскалывалась так, что хотелось снова провалиться в беспамятство. Открыть глаза я даже не пытался, понимая, что свет только усилит боль.

С негромким щелчком открылась дверь, и в комнату, а может, палату, кто-то зашел.

Я сделал над собой усилие и приоткрыл глаза. Вопреки худшим ожиданиям, голова сильнее болеть не стала, скорее наоборот.

Я лежал на узкой кровати, вокруг которой на штативах и специальных подставках перемигивались десятками разноцветных огоньков громоздкие медицинские приборы, от которых к моему телу тянулись прозрачные трубки и какие-то провода. Сам я с ног до головы был облеплен датчиками, инъекторами и другими устройствами, служащими, судя по периодическому легкому покалыванию в разных местах, для электростимуляции мышц.

Вошедших оказалось двое. Впереди шел среднего возраста мужчина с каким-то плоским устройством в руках, а чуть сзади держалась симпатичная молодая женщина. Оба направились прямо ко мне.

– Как вы себя чувствуете, молодой человек? – спросил мужчина, внимательно глядя на меня.

Язык, на котором он задал вопрос, показался мне совершенно незнакомым и очень непривычным по звучанию, но я прекрасно все понял. Доктор Силк предупреждал меня перед переносом, что память и навыки моего нового тела никуда не денутся, но свободное понимание чужого языка все равно вызвало очень необычные ощущения.

– Очень болит голова, – попробовал ответить я, и, судя по кивку мужчины, у меня это получилось.

– Это неудивительно, Игорь. Удивительно, что вы вообще очнулись. Мы ожидали, что это произойдет не раньше чем через три дня после лучевой терапии, а не прошло еще и суток.

– Я понимаю, Илья Сергеевич, – я вспомнил имя доктора, и этот факт меня обрадовал, – вы можете как-то снять головную боль, но так, чтобы я остался в ясном сознании?

– Да, конечно, но вам, Игорь, сейчас лучше поспать. Оля, сделайте пациенту инъекцию декатерала.

– Илья Сергеевич, – я попытался придать своему голосу твердость, – вы ведь понимаете, что у меня осталось не так много времени. Я бы предпочел провести его в сознании. У меня еще много незавершенных дел, и я бы хотел довести их до конца, прежде чем... ну, вы сами знаете.

Доктор знал. Последняя стадия астероидной горячки не оставляла человеку шансов на какие-либо осознанные поступки. Боль столь страшная, что даже сильнодействующие наркотики не способны снизить ее до хотя бы терпимого уровня.

Илья Сергеевич хотел было что-то возразить, но передумал.

– Оля, не нужно декатерал. Ограничимся мэлтрином. Игорь, я чем-то еще могу вам помочь?

– Да. Можно попросить у вас планшет и доступ в Сеть?

– Конечно. Оля вам все принесет.

– И еще... – я прислушался к своим ощущениям. – Нельзя ли чего-нибудь поесть?

– У вас появился аппетит? Это очень необычно. Вы уже довольно давно на внутривенном питании, так что желудок отвык от нормальной пищи. Пожалуй, можно начать с кружки овощного бульона, не более. Что-то еще?

– Спасибо, Илья Сергеевич, больше ничего не нужно.

После сделанной инъекции головная боль отступила, хоть и не полностью. Пока медсестра Ольга ходила за планшетом и кружкой горячего овощного бульона, я попытался вытащить из своей новой памяти все, что запихнули туда умники доктора Силка на тему лечения астероидной горячки. У нас эта дрянь называлась как-то иначе, но здесь ее впервые сумели подцепить шахтеры в поясе астероидов, и название приклеилось намертво. На счастье людей, опасность астероидная горячка представляла только для трех процентов населения. Особенности возбудителя заболевания не позволяли ему существовать в организмах подавляющего большинства людей. Но уж если этот грибок умудрялся выжить в чуждой для него среде человеческого организма, он

начинал видоизменять клетки, модифицируя их в благоприятную для себя форму. Сначала процесс шел медленно, и большинство измененных клеток погибало под атаками иммунной системы, но постепенно выживаемость клеток-модификантов возрастала, и их количество в организме начинало неуклонно расти, порождая при делении все новые и новые агрессивные клетки, заменяющие нормальные человеческие. Очаги поражения разрастались, возникал дискомфорт, потом болевые ощущения, нарушения в работе различных органов. Наконец процесс приобретал лавинообразный характер, и человек умирал в страшных мучениях.

С болезнью, естественно, пытались бороться. К настоящему моменту существовали медикаментозные и лучевые методы лечения, которые позволяли затормозить и даже частично обратить вспять процессы размножения пораженных клеток, но эти методы терапии оказывали на организм пагубное воздействие ввиду высокой токсичности самих лекарств и разрушающего действия облучения. Да, модифицированные клетки гибли, но вместе с ними погибали и нормальные, не пораженные. В итоге смерть все равно наступала, хоть ее и удавалось оттянуть на несколько месяцев.

В моем мире эту болезнь научились лечить уже лет сто пятьдесят назад. Метод оказался весьма оригинальным и родился на стыке таких, казалось бы, мало совместимых наук, как биохимия и ядерная физика. И теперь передо мной стояла задача донести суть идеи до людей, способных воплотить необходимое оборудование, что называется, в железе.

Ну что ж, попробуем подбить активы и пассивы, которыми мы с моим новым телом на данный момент обладаем. Итак, я Игорь Яковлевич Лавров, пятнадцати лет отроду, сто восемьдесят сантиметров роста, худощав по жизни, а сейчас вообще подобен скелету. Не красавец, не урод. Русский по национальности. Гражданин Земной Федерации. Постоянно живу и нахожусь сейчас в Солнечной системе, на Титане, спутнике Сатурна, терраформированном русскими еще до объединения всех земных стран в единое государство. Учусь, вернее, учился в средней школе с... ой, блин... ксенологическим уклоном. Изучаю, стало быть, злых врагов человечества.

Отец погиб пять лет назад в поясе астероидов у звезды ван Маанена. Зачем этот тусклый белый карлик в созвездии Рыб понадобился кваргам, так и осталось неизвестным, но драка за него вышла отчаянной и закончилась практически вничью. Но только не для моего отца. Он оттуда не вернулся. Подробности нам

не сообщили. Сказали только, что торговый корабль, на котором он руководил медсекцией, случайно попал под раздачу и взорвался от попадания тяжелой торпеды с эсминца кваргов. Спасти не удалось никому.

Мама учила детей в начальной школе в нашем городе. На ее вполне приличную зарплату и на пособие, назначенное государством в связи с гибелью отца, мы и жили. Но после того, как я заболел, наши сбережения быстро растаяли. Страховка покрывала далеко не все медицинские расходы.

Еще у меня есть две недели времени. Ну, может, три, хотя на это рассчитывать не будем.

Вот, собственно, и все существенное. Ничего я толком не умею. Физически развит слабо, да еще болезнь эта... Но это я, который Игорь Лавров, а есть ведь еще другой я, который бригадный генерал Дин, чего, правда, здесь никто не знает. И у бригадного генерала Дина есть в кармане очень нехилый козырь в виде закачаных в мозг знаний. И это, пожалуй, та карта, которую можно и нужно выкладывать на стол прямо сейчас.

Потягивая из кружки горячий и на удивление вкусный овощной бульон, я думал, с чего начать. Если я сейчас позову, например, доктора Илью Сергеевича и начну излагать ему способ лечения астероидной горячки, он, скорее всего, просто решит, что у меня от страха неизбежной смерти потекла крыша, ибо откуда пятнадцатилетнему школьнику, в гениальности ранее не замеченному, взять необходимые знания? Тем более что Илья Сергеевич знал моего отца. Друзьями они никогда не были, но относились друг к другу с уважением, так что кое-что обо мне здешнем доктор знает и в жизни не поверит без железобетонных доказательств в мое внезапное прозрение.

Значит, начинать надо не с него, а с людей независимых и одновременно компетентных в нужных мне сферах, причем с тех, чье внимание я реально могу привлечь, вызвать их интерес и заставить внимательно меня выслушать. И где будем их искать, господин пятнадцатилетний бригадный генерал?

А давай-ка прикинем, чего нам с Игорем Лавровым не хватает для того, чтобы нас воспринимали всерьез? Образования нам не хватает, официально подтвержденной квалификации. Вот в сфере образования и поищем. В сфере высшего, ясен пень, образования...

Я залез в Сеть. Итак, в каких сферах мне нужны люди? Само собой, медицина в целом и биохимия в частности. С другой стороны, нужна физика, без нее никак не обойтись. Что у нас на Титане есть на эту тему? Ага, Колониальный технологический институт. То, что нужно. Но это физика и, может быть, биохимия. А медицина? О! Филиал Военно-медицинской академии. Берем! С чего начнем? Ну, пожалуй, с физики, она мне как-то роднее еще по прошлой генеральской жизни...

На сайте Колониального технологического нахожу раздел дистанционного обучения. Дело это совершенно обычное и даже поощряемое. Обучение у нас, в Земной Федерации, насквозь бесплатное, стало быть, кроме прохождения вступительного теста ничего от меня для начала не потребуется. Смотрим дальше. Так, обучение идет поэтапно. В конце каждого этапа надо сдавать экзамен, опять же в форме теста. О, как интересно! Я могу пройти все обучение, ни разу не встретившись с преподавателями, даже в Сети. То есть, если мне что-то совсем непонятно, я могу воспользоваться онлайн-консультацией, но могу и не воспользоваться.

Хм... не вижу ограничений по срокам освоения материала. Получается, я могу сдавать экзамены хоть десять раз в день. Замечательно. Лишь выпускные экзамены, в которых меня будут гонять по всему пройденному материалу, я сдам только после того, как результаты тестов проверит живой профессор или комиссия. Если у них возникнут вопросы, придется отвечать на них уже вживую. Значит, сделаем так, чтобы вопросы возникли обязательно. Живой контакт – это то, что нам и нужно.

Я зарегистрировался в разделе дистанционного обучения, авторизовался, приложив палец к датчику ДНК-кода, и скрепил договор с институтом личной цифровой подписью. Вступительный тест вопросов, как и ожидалось, не вызвал, и мне присвоили статус студента.

Имелись у меня опасения, что закачанные в мой мозг знания окажутся чем-то вроде очень продвинутой энциклопедии, то есть именно набором знаний и не более. По собственному опыту учебы, еще из прошлой жизни, я помнил, что наличие теоретических знаний совсем не обязательно обеспечивает студенту умение решать задачи или выполнять практические работы. На это требуется отдельное обучение и дополнительные навыки. Если бы мои сомнения подтвердились, у меня бы неизбежно возникли трудности с прохождением дальнейших экзаменов, ведь там встречались не только теоретические вопросы,

но и задачи, и даже имитаторы лабораторных работ. Но я зря напрягался. Знания в мозгу прижились нормально. Не знаю, было ли это заслугой доктора Силка или мой новый мозг, стимулированный переносом сознания, сам разложил все по нужным полочкам, но понимание того, что и как нужно делать в том или ином задании, приходило ко мне практически мгновенно.

Экзаменационные тесты оказались довольно объемными. Около четырех часов я непрерывно долбил по виртуальной клавиатуре планшета и отвечал голосом на вопросы системы. Пару раз ко мне заглядывала медсестра Ольга и с беспокойством в голосе спрашивала, не пора ли мне отдохнуть. Я отвечал, что чувствую себя все лучше и что такая активность явно идет мне на пользу. Она недоверчиво качала головой, но, похоже, показания приборов и мой улучшающийся внешний вид подтверждали мои слова, так что возражений с ее стороны не поступало.

Итоговый тест занял два часа. Писать его оказалось реально интересно. Я настолько увлекся, что не заметил, как в углу экрана засветилась пиктограмма с небольшой фотографией. К процессу сдачи экзамена присоединился профессор Штейн. Он молча дождался окончания теста и, когда я удовлетворенно откинулся на подушку, произнес:

– Здравствуйте, молодой человек.

От неожиданности я даже слегка дернулся, поднес планшет поближе к лицу, чтобы сузить сектор обзора видеокамеры, и включил видеосвязь. Профессору оказалось чуть за пятьдесят, хотя я мог и ошибаться: кто ее, местную медицину, знает, на что она способна.

– Добрый день, профессор. Очень рад, что вы заглянули на мой экзамен.

Шейн удивленно поднял бровь.

– Чем я вас так порадовал?

– Возможностью лично пообщаться с компетентным специалистом и изложить кое-какие идеи.

– Вот как? Но я здесь не за этим. По крайней мере, пока. Вы, Игорь Яковлевич...

– Можно просто Игорь и на ты. Простите, что перебил, профессор.

– Хм... Хорошо, Игорь, тогда меня называй Иваном Герхардовичем. Итак, Игорь, ты очень удивил здесь буквально всех и, не скрою, вызвал ряд сомнений и вопросов. Перечислю по пунктам. Первое. Ты прошел вступительный тест с высшим баллом. В пятнадцать лет, заметь. Но это не уникальный случай. Так бывает. Второе. Ты за один день сдал все промежуточные тесты и итоговый экзамен. Тоже с высшим баллом. А вот так уже не бывает. Третье. Ты нигде и никогда не демонстрировал своих знаний ранее. Все вундеркинды участвуют сперва в детских конкурсах, потом в олимпиадах, получают гранты, короче, ведут активную деятельность в выбранной области еще до поступления в высшее учебное заведение. Ты же не проявил себя никак. Школа с ксенологическим уклоном. Средняя успеваемость. Четверка по физике. Четверка! В общеобразовательной школе, в которой ты закончил только девятый класс. Это несерьезно. Ты не должен был сдать даже вступительный тест.

– Однако вот он я, Иван Герхардович. Спрашивайте.

– Я уже спросил, Игорь. А если ты не понял вопроса, повторю кратко. Как это возможно?

Я немного помолчал, а потом со вздохом отодвинул планшет от себя на максимальное расстояние, чтобы в камеру попало почти все помещение.

– У меня был очень серьезный стимул, господин профессор. **ОЧЕНЬ** серьезный. Уже полгода, как я болен астероидной горячкой. Я хочу жить, Иван Герхардович, и мне нужна ваша помощь.

Сказать, что Штейн был сбит с толку, значит ничего не сказать. Профессор просто выпал в осадок.

– Но... чем же я могу помочь? – задал он вопрос, немного придя в себя. – Я занимаюсь теоретической физикой, а не медициной.

– Иван Герхардович, я могу попросить вас о личной встрече? Я бы хотел изложить вам метод лечения моей болезни, в котором ядерная физика играет важную роль. Мне нужен авторитетный специалист, который подтвердит, что моя идея не бред умирающего человека. Иначе мне никто не поверит.

Профессор задумчиво посмотрел на меня.

– Давай, Игорь, сначала закончим с экзаменом. Я хочу понять глубину твоих знаний за пределами стандартного теста. Заодно и увижу, насколько все серьезно. Ты готов?

– Конечно.

– Сначала вопрос из области математики, благо разделить ее с теоретической физикой решительно невозможно. Тебе знакома гипотеза Кантора-Шимана?

– Да. Теорема Кантора-Шимана мне знакома.

– Теорема?

– Да. Именно теорема. Я могу привести доказательство.

– Это неожиданно. Я внимательно слушаю.

– Пять минут, Иван Герхардович.

Мои пальцы замелькали над виртуальной клавиатурой. Извлеченное из памяти доказательство занимало полторы стандартных страницы. Ближе к концу я сознательно допустил неточность, указав не вполне корректные граничные условия. Я надеялся, что профессор найдет эту небольшую ошибку, не влияющую принципиально на ход доказательства.

С полчаса Штейн изучал полученный файл, удивленно покачивая головой в отдельных местах, потом поднял на меня глаза. Мои ожидания он не обманул.

– Великолепно, молодой человек. Просто великолепно. Но в одном месте есть ошибка. Думаю, вы просто поторопились. Вот это условие, – он вывел нужную

часть доказательства на экран, – должно выглядеть так. – И профессор исправил мою неточность.

– Совершенно с вами согласен, Иван Герхардович, – с благодарностью произнес я. – Недодумал. Но вы меня очень вовремя поправили. Мне кажется, что «теорема Кантора-Шимана-Штейна» звучит куда лучше, чем «гипотеза Кантора-Шимана».

Я улыбнулся и взглянул в глаза профессору.

Штейн задумчиво смотрел на меня.

– Не так, – наконец поборол он свои сомнения, – гораздо лучше будет звучать «доказательство Штейна-Лаврова». Этого более чем достаточно для успешной сдачи экзамена. Диплом я вам вышлю через десять минут. Поздравляю с окончанием Колониального технологического института, коллега.

– Спасибо, профессор. А как насчет личной встречи?

– Я так понимаю, – Штейн окинул взглядом мою палату, – вы приглашаете меня к себе?

– Если возможно.

– Хорошо. Когда?

– Мне нужно пригласить еще пару человек, и я пока не знаю, согласятся ли они... Честно говоря, пока даже не знаю, кто они.

– В каких областях вам нужны специалисты?

– В медицине, лучевая терапия. И в биохимии.

– Биохимию вы знаете так же, как физику?

– Думаю, не хуже.

- Тогда у меня есть для вас достойный кандидат. Я уговорю его приехать со мной.

- Буду признателен. Это ваш коллега по Колониальному технологическому?

- Да.

- Я собираюсь завтра сдавать тесты по биохимии. Вы не могли бы сделать так, чтобы именно он принял у меня итоговый экзамен?

- Даже так? Не вопрос. Это легко можно организовать.

Следующие два дня я безвылазно сидел за планшетом. Ольга всерьез обеспокоилась моим возможным переутомлением и призвала на помощь доктора Илью Сергеевича. Тот поздоровался, молча подошел и глянул, чем я занимаюсь. Я как раз разбирался с очередным практическим заданием по медицине, а именно - руководил виртуальной операцией по удалению осколка снаряда из левого легкого пациента. Постояв пару минут за моим плечом, он так же молча вышел и тихо прикрыл за собой дверь. Что уж он там себе надумал, я не знаю, но вопросов от него не последовало, а медсестра Ольга меня больше не беспокоила.

С биохимией все прошло на ура, а вот с медициной пришлось изрядно повозиться. Все-таки в этой области очень много практики, даже с учетом автоматизации основных процессов. Да и вся медицинская аппаратура оказалась мне совершенно незнакома. Тем не менее, все три необходимых диплома я получил, о встрече с тремя профессорами договорился, а местная наука помимо доказательства Штейна-Лаврова обогатилась методом оценки проницаемости клеточных мембран Луцко-Лаврова и экспресс-тестом переносимости лучевой терапии Лаврова-Гришина.

На четвертый день ко мне приехала мама. Она была так рада, что мне лучше, что я решил кое-что ей рассказать. Удивительно, но сам круглый сирота, я действительно воспринимал эту уже немолодую, но привлекательную женщину как маму. Игорь Лавров был добрым домашним мальчиком и очень любил ее. Какая-то часть его личности, похоже, поселилась в моей голове, против чего я, сам себе удивляясь, совершенно ничего не имел.

Мама присела на стул рядом с моей кроватью и взяла меня за руку.

- Игорек, тебе явно стало лучше. Может быть, все еще обойдется...

- Если ничего не изменить, не обойдется, - твердо ответил я, - это только ремиссия, временное улучшение. Через две недели мне снова станет хуже, и уже необратимо.

- Но как же... Илья Сергеевич ничего мне не говорил...

- И не скажет. Он не хочет портить тебе последние дни общения с сыном. Но, мама, он знает не все. Завтра ко мне сюда придут три профессора: специалист по лучевой терапии, биохимик и физик. Приходи и ты. Тебе будет полезно послушать. И еще... Боюсь, нам могут понадобиться все наши деньги. Все, что осталось.

* * *

О предстоящем визите профессоров я предупредил Илью Сергеевича заранее и попросил его тоже присутствовать. Смотрел он на меня при этом немного странно, но вслух ничего не сказал, видимо, решив для себя, что неизлечимо больной пациент просто хватается за соломинку и не надо ему в этом мешать, только зря перед смертью расстраивать.

Приехали гости почти одновременно. Во всяком случае, мой доктор впустил их в палату всех вместе. Мама была уже здесь. При появлении научных светил она тихо поздоровалась и аккуратно присела на угловой диванчик. Я представил ей моих новых знакомых и начал наш разговор.

- Итак, господа, вы люди занятые, поэтому сразу перейду к делу. Я хочу представить вам метод лечения астероидной горячки, вчерне разработанный мной и нуждающийся в вашей оценке и доводке до практического применения на мне.

- Вот так вот просто взяли и придумали, Игорь? - задал вопрос профессор Гришин.

– Нет, Федор Николаевич, не просто так. Голову чуть не сломал, придумывая. Но вы даже не представляете, как стимулирует умственную деятельность стоящая за левым плечом дама с острой косой, – я улыбнулся, вспомнив, что это уже не первый мой смертельный диагноз. – Однако давайте к делу. – Я развернул к гостям свой планшет и вывел на экран изображение двух клеток. – Вот здесь, как вы видите, здоровая клетка и клетка-модификант. Многие их свойства схожи, что затрудняет нам целевое уничтожение измененных клеток, но есть и различия. – Я вывел на экран следующий слайд с формулой органического вещества довольно сложной пространственной структуры. – Это метилфенолитин. Его молекула как раз подходит для использования различий в строении клеточных оболочек здоровой и больной клеток. В здоровую клетку она проникнуть не может, а вот модифицированная клеточная оболочка пропустит ее внутрь беспрепятственно.

– Но, Игорь, – перебил меня профессор Луцко, – вы же так хорошо сдали мне экзамен по биохимии! Вещества этого класса давно известны и многократно испытаны, в том числе и при попытках лечения астероидной горячки. Здесь всегда возникает одна и та же неразрешимая проблема. При низких концентрациях активное вещество не может причинить вред клетке-модификанту, а если концентрацию повысить, человек умирает от интоксикации раньше, чем погибают измененные клетки.

– Вы совершенно правы, профессор, – я кивнул, – но мы не будем использовать метилфенолитин в высоких концентрациях. От других веществ своего класса он отличается способностью легко присоединять атом бора, не теряя при этом способности избирательно проникать в пораженные клетки.

– Погодите-ка, Игорь, – остановил меня профессор Штейн, – вот теперь я, кажется, начинаю понимать, зачем вам понадобился физик-ядерщик. Скажите-ка мне, молодой человек, а не изотоп ли бора-10 вы собираетесь использовать в своей методике?

– Вы совершенно правы, профессор.

– Тогда позвольте мне продолжить, – Штейн очевидным образом пребывал в состоянии научного азарта. – Бор-10 очень эффективно захватывает медленные нейтроны, распадаясь при этом на изотоп лития-7 и альфа-частицу с выделением значительной энергии. Скажите мне, Федор Николаевич, – обратился Штейн к профессору Гришину, – как относится организм человека к

облучению медленными нейтронами?

– Ну... при разумной интенсивности практически никак. Тепловые нейтроны просто проходят сквозь человека, не поглощаясь его тканями и не разрушая их.

– Вот. А теперь представьте, что с помощью этого, как бишь его?..

– Метилфенолитина, – подсказал я.

– Да, спасибо. Так вот, с его помощью мы затаскиваем внутрь пораженных клеток атомы бора-10 и начинаем облучать пациента медленными нейтронами. Что происходит в пораженных клетках? А происходят в них микроскопические ядерные взрывы, господа, но в масштабах расщепления всего лишь одного атомного ядра. Как вы думаете, профессор, – обратился Штейн к своему коллеге-биохимику, – сколько нужно энергии, чтобы разрушить или просто убить пораженную клетку, но не повредить ничего вокруг?

– Дайте прикинуть, – пробормотал Луцко и углубился в расчеты на своем планшете. – Ага, вот. Двух-трех мегаэлектронвольт будет достаточно, но больше уже опасно.

– При распаде одного ядра бора-10 именно столько энергии и выделяется. Не могу сказать за уважаемых коллег, но что касается моей сферы компетенции, ваш метод, Игорь, должен работать. И источник медленных нейтронов у нас в институте имеется. Вот только это громоздкий аппарат, так что если мы решимся помочь молодому дарованию, придется транспортировать его к нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/glebov_maks/brigadnyy-general-placdarm-dlya-odinochki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)